

Геннадий Трушевич

ЛЮБИЛ ЛЮДЕЙ

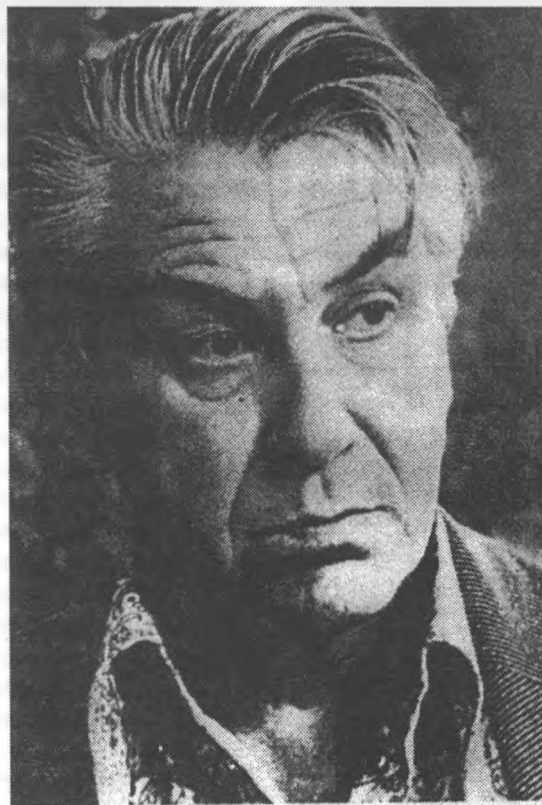
Когда в «Кузбассе» началась публикация повести «Чайки над морем», которую мы, студенты механического факультета СМИ, читали взахлеб, фамилия автора – Анатолий Сибиряк – конечно же, была совершенно незнакома и ни о чем нам не говорила. Ясно было только, что пишет человек бывалый, не понаслышке знающий нелегкий военный труд водолазов, что пишет явно фронтовик. И поэтому, конечно, никогда бы не соединили мы эту фамилию (псевдоним!) с личностью нашего преподавателя, читавшего курс «Подъемно-транспортные машины», – Соболева Анатолия Пантелеевича.

Что знают студенты о своем преподавателе? Только то, что дадут собственные наблюдения да еще... не всегда верные и обоснованные слухи. Слухов не было, наблюдений же – более, чем достаточно... Мы ловили его слова, манеру говорить, смеяться, жестиковать, мы ловили его мимику, движения, – словом, новый преподаватель нам единогласно нравился.

Лекции – чудо! Рассказы – блеск! Стройный, прямой, непохожий. Никакого менторства, как это бывает... Весь в движении, лицо доброе, упрямые губы, черная с сединой прядь, поминутно сваливающаяся на левый глаз. При рассказывании оживает, глаза искрятся под живыми мохнатыми – домиком – бровями и... как сейчас слышу его веселый, немного резковатый, воркующий голос...

И в нашем представлении, конечно, никак этот молодой жизнерадостный мужчина не мог быть тем А.Сибиряком, написавшим такую чудную, непривычную повесть о фронтовых тружениках моря.

Студенческая жизнь полна своих, особых забот. Здесь время подобно баянным мехам – то сжимается, то – наоборот. Только ритм не совсем постоянный и не всегда повторяющийся. Но все равно семестр очередной проскакивает одним суматошным мгновением. И грянувшая вслед за ним сессия враз остужает некоторые чересчур уж горячие головы,

А.Соболев

надежно отвлекает от быта, мирской суеты, намертво выключает от всякого общественного существования энное количество молодых людей. к –

Так было и с нами^{ния} поэтому родившиеся вдруг и широко расплывшиеся еще не совсем ясные, но уже настойчивые слухи не сразу докатились до нас, дошли до нашего сознания, но, освоившись, сразу же отрубили, отодвинули и загасили все существовавшие тогда сессионные заботы, мысли и думы.

– А Сибиряк-то работает в СМИ...

– Ваш Соболев – писатель!

– Анатолий Сибиряк – это Анатолий Соболев... Странно устроена человеческая логика. Когда слухи кончились, и начались факты (в Кемеровском издательстве вышла книга «Безумству храбрых», на обложке которой стояло – А.Соболев), мы, еще недав-

но отвергавшие любую связь между этими двумя фамилиями, вдруг пришли к совершенно неоспоримому выводу: такую повесть (а это была та самая – «Чайки над морем») мог написать именно А.Соболев (наш Соболев!) и никто другой!

А потом он уехал на Всесоюзный семинар молодых писателей. И когда на Всесоюзном конкурсе на лучшую книгу для детей, который случился в это же время, А.Соболев был удостоен (!) второй премии за повесть «Грозовая степь», то тут уж вообще в институте ажиотаж начался. И портретик-то его на стенку повесили, и приветствие написали, и даже «доцентом» в запале нарекли... Приятно все же иметь «своего» писателя!

Потом Анатолий вернулся на кафедру, и снова – пошли институтские будни, снова – научная, учебная, методическая работа, лекции, экзамены, курсовые работы, и даже вопросы типа: когда же засядешь за диссертацию? Хватит, мол... Побаловался – и будя! Пора и за дело приниматься... И вот вместо того, чтобы работать над своими непохожими, очень нужными повестями, ему приходилось заниматься всякими

другими (зачастую и совсем никчемными) проблемами. Частенько подбрасывались вопросы типа: "А почему это у вас Соболев никакой воспитательной работой не занимается?" И невдомек было жаждущим ответа, что вся жизнь его, вся «подпольная ночная» работа, которую не внесешь ни в какой индивидуальный план, ни в какую карту поручений, как раз и являлась самой настоящей, самой действенной воспитательной работой с молодыми...

С большой благодарностью вспоминаю теперь наши с ним «вечерние посиделки». Я к тем порам уже окончил институт и работал теперь вместе с Анатолием на своей же кафедре. Конечно, мне, начинающему преподавателю и начинающему литератору (еще во студентах я пытался сочинять и стихи, и прозу), ле́гно было вот так запросто общаться с настоящим писателем. Потому-то и консультации свои я назначал в одно время с консультациями Соболева. Эти постоянные, почти ежедневные встречи постепенно переросли в самую настоящую литературную учебу. Студенты редко появлялись на консультациях, особенно в начале семестра, и мы разговаривали с Анатолием об искусстве, литературе и о прозе, в частности. Рассказы мои хвалил он очень редко, больше – «ругал». Это значило – терпеливо разбирал каждое предложение, каждую строчку, учил литературному языку, учил чувствовать слово, точно использовать его смысл, учил, рассказывал, объяснял...

Конечно, писателем я не стал. Не каждому это дано. Нет, вообще-то научить писать и прозу, и стихи можно, а иногда уже и не так плохо. При нашем-то всеобщем среднем и почти общем высшем... И таких, научившихся – очень много. Но настоящими-то Писателями, настоящими Поэтами становятся лишь единицы!

Писателем я не стал. Но зато хоть в какой-то степени все же осилил искусство понимать, ощущать, чувствовать неожиданную удачу чужих стихов, чужой прозы, когда порой от одной только прочитанной строчки буквально захватывает дух, когда после какой-либо (редко!) книги впадаешь в своеобразную прострацию: ходишь, дышишь, трудишься, – словом, живешь, но – ошарашенный, убитый, буквально смятый потрясающей, волшебной работой (так было у меня после его книги «Награде не подлежит»). И в этом, я считаю, огромная заслуга Анатолия Пантелеевича Соболева. Он не только писал, не только учил, как не надо писать, он учил чувствовать красоту и радость художественной литературы. И много лет позже, при встречах в Москве и Калининграде, я видел, как бережно относился он к начинающим и уже чего-то добившимся в жизни молодым или зрелым литераторам.

Именно в годы этих «посиделок» на правах младшего коллеги и товарища я стал бывать в его доме. И вот тут-то я, наконец, увидел, понял, если хотите, – какая же это каторжная, а зачастую и неблагодарная ноша – этот писательский труд. Чтобы ощутить хотя бы малую частицу такой работы (кто ее и когда измерил!), возьмите любую книжку даже среднего объема и попробуйте переписать ее –ручкой,

каждый день по несколько страниц. Тяжко? Конечно. Писатель же эту книжку до того, как она попала к вам, переписал раза два, три, четыре... Причем, всякий раз – с поправками, обдумыванием каждого предложения, слова, каждой фразы... И это – лишь только одна, так сказать, техническая сторона его труда.

Анатолий работал тогда на пишущей машинке. Нет, конечно, первый вариант (черновик) он писал обыкновенной авторучкой. Потом, после значительной правки, переносил все это на машинку, продолжая работу над словом и в процессе перепечатывания. Потом – правка, снова машинка и так далее – бесконечно... Это, скажем, видимая часть айсберга... А невидимая? Невидимая работа мысли! И кто скажет, сколько времени проходит от едва ощутимого зарождения идеи будущей книги, через продумывание всего материала до самых первых – очень трудных – строчек на белом листе бумаги. Думаю, что и сам Анатолий не смог бы ясно рассказать про это...

Но и позже, когда книжка уже вышла, отделилась от своего создателя, она не остается без его внимания, так как при каждом переиздании подвергается солидной переработке. Интересы ради, сравнивал я как-то работы Анатолия разных лет изданий и отмечал его серьезную саморедакторскую работу.

Вскоре Анатолий уехал. Ему предложили учебу – Высшие литературные курсы в Москве. И в наш вуз он больше не возвращался. Жил в Перми, затем перебрался в Калининград. Меня же захлестнула институтская учебно-научная жизнь. Работы прибавилось. Контакты наши как-то сами собой приугнули... Лишь изредка (пару раз в год) обменивались мы поздравлениями, да иногда присылал он свои книги. Потом – еще раз приезжал, чтобы, как он выразился, «решить свои военкоматовские дела». Это была наша последняя встреча в Новокузнецке...

Прошло уже довольно много лет, и вот однажды (в 1976 году) Анатолий прислал мне свою новую (и очень интересную) книгу «А потом был мир» с приглашением на свое 50-летие. Поехать я не смог, послал поздравление и в письме объяснил причины «отсутствия возможности присутствия». Вот отрывок из его письма, датированного 22-м апреля 1976 года (ровно за две недели до его юбилея):

<...> Ну а жизнь моя пристокает теперь между больницей и письменным столом. За год отлежал в больнице 5 месяцев и три месяца на бюллетене проболтался, и сейчас еще нездоров. Сердце. Поэтому работа приостановилась, все еще не могу закончить роман о рыбаках, с которыми ходил в Атлантику, и новый фильм. Сценарий в общем-то готов, и, возможно, в июне я буду в Москве с режиссером делать так называемый режиссерский сценарий.

<...>

Несмотря на такую большую отдаленность, до нас все же, хотя и с опозданием, доходила некоторая информация. Мы узнали, что в 1966 году в Московском детском театре по повести Анатолия «Грозная

степь» поставлен и успешно идет спектакль «Сыновья идут рядом». Что через год по этой же повести в Ленинграде был снят телефильм. И что сам Анатолий в 1972 году нанялся на судно простым матросом и ушел на полгода в Атлантику. Он жил и трудился с рыбаками, и никто, кроме капитана, не знал, что он – писатель, что здесь он собирает материал на большую, давно задуманную работу. И лишь когда прихватило сердце (работа-то рыбацкая!), тогда только пришлось раскрыть инкогнито...

Вот еще выдержки из его письма от 2 декабря 1976 года.

<...> Только что вернулся домой, в котором не был 2 месяца. Был на съемках нового фильма в Севастополе и Москве. На столе куча писем, поздравлений и бандеролей. В том числе и твои. Спасибо. Мне тоже приятно, что книжка «А потом был мир» пришла тебе по душе. Что касается того, что «Ночная радуга» и «Три Ивана» выпадают из общего строя, ты абсолютно прав. Выпадает еще и «А потом был мир». Но сие не моя вина, а воля издателей. Более того – несколько рассказов о Данилке были изъяты, и потому цикл об этом пацане неполон. Сейчас выходит книга в Москве под названием «Зимней ясной ночью» – вот в ней все об этом пареньке. Правда, и там один рассказ изъяли, а именно, «Военный хлеб», но он есть в «А потом был мир». Так что издать то, что хочет автор, – целая «проблема», даже и мне, уже давно не начинающему. <...>

В январе, скорее всего, в Москве не буду, потому как именно с 10-го у меня путевка в Дом творчества в Дубулты, под Ригу. Еду туда на 2 месяца, поработать и полечиться спокойно. <...>

Ну, что еще? Прислали вот «Грозовую степь» на украинском языке. Из Америки дали знать, что кое-что из «А потом был мир» перевели для журнала. Меня это крайне удивило. Вот уж не думал, что книжка попадет и туда. Неисповедимы пути книжные! В ГДР в 77 г. выйдет «Тихий пост». А вот книгу о морях, с которыми полгода проплавал, никак не могу закончить. Не идет и баста! Приехал и сразу в больницу на уколы, а 14-го надо быть опять в Москве на пленуме Правления СП РСФСР. Я ж какой-то член! <...>

Мы не встречались с Анатолием до марта 1986 года. Поэтому позволю себе передать слово ему самому – привести наиболее важные отрывки из некоторых его писем.

<...> Отвечаю с опозданием, потому что последние 3 месяца дома не нахожусь – по домам творчества шастаю, все доделываю, переделываю и т.д. и т.п. и все никак не могу довести «до ума» свои повести. Одна из них – «Пятьсот-веселый» – пойдет в журнале «Мол. гвардия» где-то в конце года, другая – «Награде не подлежит» – в журн. «Север» тоже, видимо, в конце года, может, раньше, леший их знает!

Летом собираюсь в Новокузнецк на юбилей СМИ, если, конечно, пришлете приглашение.

А прошлым летом был на Алтае, на родине своей и Шукшина. Наше детство с ним прошло в 30-ти км друг от друга, но мы, конечно, не знали друг друга.

То, что фильм «Посейдон» спешит на мощь» не шел в Новокузнецке, для меня – удача. Фильм не удался, с режиссером были на ножках, а при такой работе что получится. <...> [29.01.80].

Приглашение на 50-летие СМИ (ноябрь 1980 г.) мы, конечно, послали. Но приехать он не смог. Просто не получилось... А вот через полгода (в мае 1981-го) Анатолий вновь приезжал в Новокузнецк – на встречу с однокашниками – на 25-летие окончания СМИ. Был недолго, с неделю. Я же в это время находился в Москве...

<...> У меня в 81 г. вышло две книги – «Награде не подлежит» и «Курсом Норд-Вест».

Этим летом собираюсь на Алтай, в Белокуриху полечиться, но вряд ли попаду в Новокузнецк. Впрочем, не знаю.

Сижу в деревне сейчас, «добываю» новую книгу про море. <...> [27.01.82].

<...> Спасибо и за добрые слова о книге «Награде не подлежит». А те оплошки, что ты заметил, постараюсь исправить каленым железом. Но дело тут еще и в том, что меня слегка кастрировали, когда печатали, да не только слегка, а основательно. Цензура книга проходила с боем, и с великим. Но кончилось все самым неожиданным образом: меня только что выдвинули на Государственную премию СССР именно за эту книгу. Ездил в Москву, заполнил документы, а их – уйма! Дать не дадут, а писанины много! <...>

Узнал же я об этом поздно, потому что третий месяц сижу в Доме творчества под Ригой и пишу новую книгу, которую вообще печатать не будут. Книга о бардаке в море-окияне, где мы делаем хорошую мину при плохой игре, ибо мы – советские – самые главные уничтожители океана и всего живого в нем. Сам понимаешь, найдутся люди, которым не захочется это признать. Ну, что там будет дальше – посмотрим, а пока живу с акулами, осьминогами, попадаю в нефтяные поля и радиоактивные зоны, где дохнет рыба и пр. и пр. и пр. Океан велик, там знаешь, но когда поплаваешь в нем и по нему, то оказывается, что не такой уж он большой и уничтожить его можно запросто. Уже сейчас в него выливается 10 млн. тонн нефти, а чтобы погубить всё живое, надо 25. И ученые обещают это к новому веку. Не надо и атомной войны, и так сдохнем, ибо без океана жизнь на суше прекратится.

Как я тебе лекцию закатил?! Вот в таком духе вся книга. <...> [07.12.82].

В декабре 1985-го я послал Анатолию новогоднее поздравление и сообщил, что мы с его давним другом и коллегой, доцентом нашей кафедры Люлен-

ковым Владимиром Ивановичем будем в Москве в течение двух месяцев (февраль – март) и что хорошо бы увидаться... Не будет ли он в это время по своим делам в столице? Ответ пришел очень скоро.

Гена, здравствуй! С новым тебя... «тигром»! Авань не сожрет, хотя я за год (85) третий раз попал в больницу с сердечным приступом и Новый год встретил в палате. И еще лежу. Обещают в конце января выпустить на волю, но еще обещают и операцию на сердце. Я думаю, хоть бы справить юбилей в мае, а там уж...

За статью спасибо. Нечто такое я написал о гибели Мирового океана. Должна была книга пойти в №№2 и 3 «Октября», но уже отсюда дал телеграмму с отказом печататься, ибо они решили выбросить основные главы. После больницы будем разбираться. Может, еще и сойдемся в «цене». Эта же книга должна выйти в издательстве «Современник» к лету, а в «Мол. гвардии» выйдет 2-томник избранных произведений. Тоже к лету. В декабре появится фильм по повести «Награде не подлежит». Вот мне бы еще здоровья в придачу – совсем бы хорошо было.

*Наверное, в феврале буду в Москве (или на Приемной комиссии СП РСФСР – я член ее, или по издательским делам). Позвони по тел. *** (это – Приемная комиссия, ответит секретарь – Светлана Васильевна, она будет знать, когда комиссия и приедет ли я). <...>*

На наш звонок (уже в Москве) Светлана Васильевна (приятный голос) сообщила, что заседание Приемной комиссии СП РСФСР будет 12 марта и что Анатолий Пантелеевич обязательно будет на нем. После этого – телефонный разговор с Калининградом и договор о встрече.

Приемная комиссия заседала с утра, и мы пришли на Комсомольский проспект столицы после обеда. Здесь в старинном особнячке (здание Союза Писателей РСФСР) мы и встретились. Узнались сразу. Обнялись, расцеловались.

– Ну-у, старики! Ну-у! – гудел Анатолий...

Не виделись мы лет 16-18. Конечно, добавилось седины, добавилось морщин, глаза только, как прежде, задорно искрились, голос был чуть резковат, приятен. Внешне же Анатолий оставался прямым, стройным. Его поминутно окликали, интересовались здоровьем, приветствовали, обращались с какими-то мелочами, просьбами... Он отвлекался, извинялся, снова отходил, потом решительно сказал:

– Никакого разговора здесь не получится. Пошли, где-нибудь посидим.

И мы ушли. На правах хозяина (он узурпировал это) Анатолий повлек нас в Центральный дом литераторов. Мы шли к метро, шли медленно, разговаривая. Когда я вырывался уж чересчур вперед, Анатолий придерживал:

– Старик, помедленней! Я уже не могу так...

Анатолий беспокоился о здоровье внучки Даши, которая сломала руку, и теперь «она в лангетке». Потом объяснял, что «что-то ба-рахлит в сердце», и что ему предлагают операцию – вынуть кусок вены

из ноги и вшить его в сердце – сделать какую-то дренажу. Все трое мы – такие спецы в медицине, что квалифицировали эту сложнейшую операцию с точки зрения механиков. Хотя и понимали опасность такого «ремонта». Анатолий говорил, что пока не соглашется: вот, мол, отведу юбилей, тогда можно и...

Потом мы ехали на метро, снова шли пешком. Уже темнело, когда мы подошли к ЦДЛ. Народу там было много, и мы с трудом отыскивали свободный столик в углу в одном из нескольких небольших и уютных залчиков и устроились у колонны, одетой, как и весь интерьер, в резное дерево.

Командовал Анатолий. Стол накрыли быстро. Настольная лампа, тихий гомон за соседними столиками настраивали на раздумчивые разговоры. Мы что-то ели, что-то пили (какое-то сухое), но были пьяны от встречи, от взаимной радости свидания, и разговор не иссякал. Мы рассказывали о кафедре, о своих институтских делах, проблемах. Анатолий – тоже, об успехах и незадачах. Потом с изрядной долей юмора вспомнил, как однажды в Югославии, где вышла его книга и он получил огромный гонорар, пытался за месяц истратить миллион динаров. По всем нашим (и их – тоже) законам везти эти деньги в Союз он не мог, и купить на них что-нибудь – тоже. Вот и пришлось проматывать эти деньги в самых дорогих отелях в путешествии по Югославии. Но все истратить он так и не смог...

Еще Анатолий пригласил на свой юбилей (60!) в мае. Мы обещали, что кто-нибудь от кафедры обязательно приедет. Потом обговаривали различные варианты и возможности летней встречи на Алтае – в Сростках на Шукшинских чтениях, куда Анатолий поедет (уже включен) в составе российской писательской делегации...

Снова гардероб, одевание. Набросив куртку, я повернулся к вестибюлю – лицо в лицо незнакомый мужчина в соболевской шапке, прижав подбородком обернутый вокруг шеи соболевский шарф, старательно надевал соболевское демисезонное пальто. Я не узнал Анатолия! Совершенно незнакомое, чужое что-то было в его лице. И тут уж, совсем ненужная, страшная своим рождением мысль ожгла, ужаснула: видимся в последний раз!

Прощались мы в пустом вагоне метро, нам – пересеживаться на радиальную линию, Анатолию – дальше по кольцевой... Мы с Люленковым стояли на безлюдной платформе станции Октябрьская, подняв приветственно руки, яркий освещенный поезд уносил махавшего рукой Анатолия в черный зев подземного туннеля, а меня не отпускала нудная в своей настырности мысль. Видимся в последний раз!

Владимиру Ивановичу я не сказал ничего...

Мысль эта вздорная осталась с носом! Мы увиделись! Увиделись еще раз. Теперь уж действительно в последний... Но никто тогда этого даже и не предполагал.

Едва вернувшись из Москвы (это был уже конец марта), мы принялись за сувенир для Анатолия. Времени до дня его рождения оставалось совсем не-

много, а дел – невпроворот. Конечно, можно было бы и купить что-нибудь, но в многолетней уже традиции кафедры – не делать магазинных подарков! Сувенир должен быть оригинальным, «самодельным» и, кроме всего, полезным. И всем нашим юбилярам мы всегда дарили что-то подобное – то телефонный аппарат (действующий!) «под старину», то письменный прибор в виде вагонопрокидывателя, то еще что-то подобное.

На этот раз подпирали сроки, поэтому остановились на простейшем – письменный прибор. Красивая косозубая шестерня (из прозрачного плекса) примерно на треть диаметра срезана так, что при установке этим срезом на подставку образовывала наклонную опору-стенку, к которой прислонен (прикреплен) сияющий бронзовый якорь. Так сказать, эмблема механика и моряка. На черной подставке закреплены еще два кнехта с просверленными головками – чтобы втыкать шариковые авторучки. Все, естественно, отполировано, все получилось очень красиво и... полезно!

И вот в начале мая со всем этим добром (а мы сделали еще и приветственный адрес с шутливым посвящением-пожеланием и автографами всех сотрудников кафедры), прихватив изрядное количество колбы (она только-только появилась), я вылетел в Москву, где друзья (бывшие сибиряки) уже купили мне билет на поезд до Калининграда.

Махом пролетел день в Москве, осязаемая часть колбы осталась там же. А на другое утро мы уже обнялись с Анатолием, и он представил меня своему фронтовому другу (тоже водолазу!) Владимиру Дергачеву. После обязательных и естественных в таких случаях приветствий, похлопываний и рукопожатий мы поехали в центр. В машине Анатолий взял меня за руку:

– Гена, ты не обидишься, если мы тебя в гостиницу поселим... А то у меня уже – фронтовые друзья...

Да какие обиды, какие проблемы! Спасибо! Все в порядке! А дальше... Все калининградские дни я находился в каком-то транс. Помнится всё, но всё как-то причудливо смещено во времени и пространстве, перемешано и переставлено: день рождения Анатолия и День Победы, праздничный Калининград и праздничная громогласная гроза, нещадное солнце и спасительная тень, да изредка доносящийся сюда свежий балтийский ветер. Масса новых людей, впечатлений, встреч, знакомств, разговоров. И через всё это – серьезные испытующие глаза Анатолия: ну, как, нормально? И вот они уже искрятся по-прежнему: а ты как думал, старик! У нас только так!

Фронтвики... Меня всегда интересовали, влекли к себе эти нестандартные люди, так много пережившие, столько повидавшие – и плохого и хорошего – и не состарившиеся душой, когда поддались этому неизбежному биологическому процессу слабая, хоть и живая человеческая плоть. Я всегда пытался их понять, разобраться...

Фронтвики, писатели, общественные деятели, просто люди. И среди них – три человека, три водола-

за, три фронтовых друга. Ну, конечно, это – сам Анатолий, Анатолий Хохлун и упомянутый уже Владимир Дергачев. Эти друзья – прообразы героев щемящей души повести А.Соболева «Награде не подлежит» – Кости Реутова, Игоря Хохлова и Димки Дергушина. Они почти не изменились с «книжных» времен. И остается только удивляться, как это можно всего лишь несколькими фразами, но настолько точно и узнаваемо изобразить этих (тех!) людей.

Какие же они смешные на фотографиях той поры. И как только смог Анатолий собрать такую массу фотоснимков и сохранить их. Этому доказательством – три больших, аккуратно оформленных альбома, которые мы с интересом рассматривали. И под каждой фотографией – веселые подписи. Какие же смешные эти мальчишки. Жидковатые, как тростиночки, приняли они на себя такой необходимый, такой тяжелый мужичий труд. И никак не мог я соединить этих нынешних 60-летних крепковатых мужиков с теми веселыми пареньками, что глядели теперь на нас из того грозного далекого прошлого. Грозного, хоть и далекого. А они смеялись, они улыбались. Почти на всех фотографиях. Жизнелюбие пронизывало их насквозь. Не покинуло оно их и сейчас. Все эти несколько калининградских дней, прожитых в неподдельной искренне дружеской атмосфере, убеждали меня, что это – совершенно особые люди. И в то же время – те же, такие же, как все, но... другие. Седые, лысоватые, очкастые – за столом, на прогулке по городу, в парке, – везде и всегда: добродушное подначивание и бережное уважение, соленая шутка и поразительная терпеливость, смешной рассказ о какой-либо давно забытой истории и затуманенные вдруг на мгновение саднящими воспоминаниями глаза. А ведь прошло уже более сорока лет после Победы! Но они – вместе, но они – едины в общем, в жизни, в принципах, отношениях, в дружбе и любви!

Калейдоскоп Калининграда. Анатолий хватался за сердце, недомогал, временами даже серел лицом. Но дома не оставался: нет! Только с вами!

Стояли солнечные дни, порой довольно ощутимо припекало. Тогда Анатолий, ничем не выказав страданий, вставал в тень ближайшего дерева или дома и маячил нам: помолчим, постоим. Не садился...

Он был нашим гидом. Большим Гидом Калининграда. С какой гордостью, с каким знанием истории (подробностей!) разворачивал он перед нами панораму своего, ставшего теперь уже родным города.

Он шел и рассказывал, снова прятался в тень, отдыхал, молчал минуту-две (успокаивал боль в сердце?) и снова рассказывал и шел. Он словно торопился показать и рассказать все, что имел, что знал, чтобы и мы узнали об этом, чтобы и мы прониклись этим знанием и чувством причастности ко всему этому.

Бункер Ляша и немецкая капитуляция, музей янтаря, башня «Дер Дона» и ее штурм, могила Иммануила Канта (немецкого философа) и неприкаянность и медленная гибель Кафедрального собора, перипетии памятного знака «Нормандия – Неман» и про-

блемы Нижнего пруда, реконструкция моста через Преголю (российское название реки Прегель) и боль за варварское, специальное уничтожение, разрушение (нами!) Королевского дворца, на месте которого сейчас вытянулось вверх нелепое в своей помпезности здание из стекла и бетона...

Он все знал про этот город, про русский город на Балтике, ставший вдруг неожиданно родным для пытливого паренька из такого далекого (в километрах и годах) алтайского села Смоленского.

Он рассказывал о штурме бастиона, показывал, где было кладбище, откуда стреляли, где были наши... Он рассказывал, а я вспоминал строки из его «Пролога после боя», в котором все это изображено пером мастера. И, глядя на истоптанные тысячами ног и десятками лет развалины, удивлялся, как это можно было все представить и изложить на бумаге. Кроме чересчур мощного воображения, просто нужно было, наверное, очень любить людей...

Последний день в Калининграде. Все уже разъехались. Уезжаю и я. Анатолий, несмотря на все мои протесты, провожает меня. На улице – пекло. Чувствую, что ему и в рубашке жарковато. До поезда масса времени, и мы гуляем в окрестностях Южного вокзала. В сквере – приятная прохлада, громадные каштаны, все дорожки усыпаны их коричневыми плодами. Некоторые уже проклюнулись. Поднимаю два – на память.

Анатолий сдержан, опять, наверное, недомагает, да разве узнаешь. Рассказывает, как «нанимался в рыбаки» в 72-м (мы проходим как раз мимо той «биржи»), какие препятствия пришлось преодолеть (здоровье, возраст), и как все это случилось... Потом – без перехода – вновь про Алтай и Сростки, про летние планы...

С большим трудом удается мне его уговорить, мы, наконец, прощаемся, усаживаю его в такси. Усталый, мудрый испытующий взгляд. Потом – широкая, соболевская улыбка и:

– Ничего, старик, пройдет... Повоюем...

Теперь, пытаюсь припомнить это расставание, не могу найти в тогдашнем себе ни растерянности, ни мыслей, что это последняя встреча, что это было прощание навсегда. Мы расстались, как обычно, как зачастую расстаются люди: я, слегка ошарашенный встречами, остался на вокзале поджидать близкий уже поезд, Анатолий же, несомненно, усталый от юбилейных и праздничных торжеств, мероприятий, встреч, расставаний, уехал домой отдыхать...

Не было таких мыслей. Тем более, что вскоре пришло письмо.

Дорогой Гена!

Спасибо за письмо. Читаю его в больнице. Опять угодил в нее. После юбилея все хандрит-хандрит, думал: обойдется. Даже съездил в Ленинград на выездной Секретариат СП РСФСР, но... все же залетел в палату. Правда, теперь уже собираюсь выходить и ехать на съезд писателей СП СССР. Потом, если все будет в порядке, едем втроем (Галя, Даша и я) в Псков, в Михайловское, оттуда в Л-д на

юбилей к Владимиру. <...> После этого на Алтай. В Бийске будем числа 24-го. Шукшинские чтения официально 25-27 июля. Обычно в Сростках собираются в воскресенье, в этом году оно 27-го, хотя родился он 25 июля. Будем там с Галей с неделю. Искать нас в гост. «Центральная». Мы в официальной делегации от СП РСФСР.

Сообщил об этом и Люленкову. <...>

Часть фотографий привезу, другую – дело темное, не проявленное еще.

Ну, до встречи на Алтае. <...>

До встречи на Алтае... Состоялась эта встреча. Но не та, которой мы ждали, о которой писал Анатолий. Очень горькой была эта встреча! Очень! Потому что до этого была ранняя (в 7 утра) телеграмма – страшное, жуткое в своей правдивости и неповторимости сообщение:

ВО ВРЕМЯ СЪЕЗДА МОСКВЕ УМЕР ТОЛЯ СОБОЛЕВ КРЕМАЦИЯ ВТОРОГО ЗАХОРОНЕНИЕ ПРАХА НА РОДИНЕ СЕЛЕ СМОЛЕНСКОМ КОНЦЕ ИЮЛЯ ВО ВРЕМЯ ШУКШИНСКИХ ЧТЕНИЙ СООБЩИТЕ ШИНКАРЕНКО ВСЕМ ДРУЗЬЯМ = ГАЛЯ.

Это случилось в гостинице 28 июня в последний день работы VIII съезда писателей СССР. Съезда, так много изменившего в нашей отечественной литературе и (по рассказам близких) принесшего Анатолию массу радостных мгновений и переживаний...

Семнадцатого июля пришло письмо от милой Гали Васюковой, детской писательницы, друга и жены Анатолия Соболева.

Дорогой Гена!

Вот какое непоправимое горе свалилось на всех нас! Невозможно поверить и осознать, особенно после того, каким мы видели его веселым и счастливым на юбилейных торжествах.

Не могу сейчас ни писать, ни говорить об этом. Хочу только сообщить, что захоронение будет в с. Смоленском 26-го.

Мы с Наташей и Дашей выезжаем отсюда 21-го (по билетам, еще купленным самим Толей!), в Москве будем 22-го и, как мне сейчас сообщили, из Москвы на Барнаул вылетим 24-го.

Сергею, сыну, сообщили, он обещал быть. Сообщите, пожалуйста, Шинкаренкам, Люленковым и всем друзьям, которые его помнят и любят. <...>

Р. С. Гена, письмо Ваше он еще успел получить и был очень рад ему. А книга пришла уже без него. <...>

На другой день мы с В.И.Люленковым двумя семьями выехали на Алтай. Шинкаренко Александр Сергеевич, однокашник Анатолия по институту и тогда главный механик ЗСМК, подъехал чуть позже...